

Вечная любовь Федора Шмакова

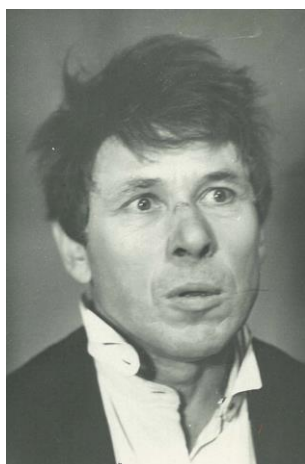
Народный артист СССР Федор Шмаков в воспоминаниях вдовы Людмилы и дочери Надежды

Народный артист СССР Федор Шмаков не раз становился гостем нашей газеты, в последний раз — накануне своего 90-летия. Хотя найти даже лишние полчаса на интервью ему было тогда затруднительно: Национальный академический драмтеатр имени Якуба Коласа, творческий альянс с которым сложился у Федора Ивановича еще в первые дни войны, готовился к бенефису патриарха витебской сцены — в свой юбилейный вечер он собирался выйти к публике в двойном качестве актера и режиссера. Одновременно завершались репетиции спектакля «Поздняя любовь» по Островскому — там у Шмакова снова была главная роль. И еще одна роль на примете... Словом, рассуждать о возрасте в его случае было неуместно. Да и странно, знаете ли, напоминать о весе прожитых лет человеку, который на вопрос, есть ли в жизни вечная любовь, дает утвердительный ответ с таким мальчишеским максимализмом. «В мудрецы я не гожусь», — улыбался Федор Иванович, но дальше признания факта существования вечной любви не шел, о личном традиционно не откровенничал. Актерам его поколения не было нужды поддерживать интерес публики рассказами о своих интимных переживаниях, они застали другое время — серьезных ролей, большой режиссуры и кино, которое действительно, безо всякой иронии было главным из искусств. К тому же на фоне всех исторических перипетий, которые довелось пережить не только прежним кумирам, но и поклонникам, бледнели почти любые частные истории. Хотя, похоже, и чувств их время требовало других, честнее и глубже нынешних...

— Папа был дружен с Машеровым, — вспоминает дочь актера Надежда Шмакова. — «Федор, ты, вообще, понимаешь, что делаешь?» — спросил он у него тогда. Документы на присвоение папе звания народного артиста СССР уже были одобрены в Москве, и вдруг — какая-то любовь. В то время не раз, рассказывал папа, его вызывали в обком для «бесед»...

— Меня вообще хотели выселить из города, — улыбается Людмила Владимировна Шмакова, из-за которой полвека назад в Витебске разгорелся нешуточный скандал. Именно так, ни больше и ни меньше.

В роли Присыткина

Главные участники драмы были слишком на виду — после эпохальной экранизации романа Шолохова «Поднятая целина», в которой Федор Шмаков сыграл Андрея Разметнова, миллионы советских зрителей прониклись к нему большим и светлым чувством. Кумиром же витебчан Шмаков стал еще раньше — к тому времени он уже сыграл первую сотню своих ролей, не один год появлялся на сцене в образе Ленина, что в то время свидетельствовало не только о таланте актера, но и о его исключительных моральных качествах. Не меньше цветов и аплодисментов доставалось супруге Федора Ивановича, театральной приме, красавице и музе местных поэтов... Подробностей их брака публика не знала и вряд ли захотела бы узнать — они были эффектной парой, в незыблемость отношений таких красивых людей всегда хочется верить. Прожили вместе почти 30 лет, многое было пережито на двоих, но... Как там у классика? «Любовь выскочила перед нами, как убийца выскакивает из-за угла».

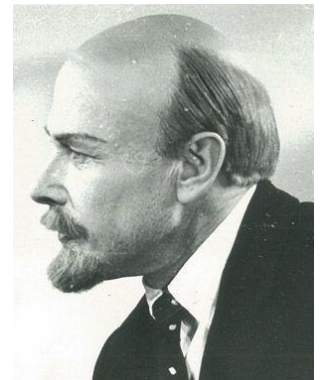
Ее привела в театр соседка, работавшая костюмершей. Предложила переобуться в одной из гримерок. Шмаков, стремительно влетевший в комнату, едва не сбил ее с ног... Возможно, годы спустя Людмила

Владимировна и не вспомнила бы о такой несуразной встрече, ну правда, о чем тут вспоминать — столкнулись, улыбнулись, разошлись. Он — на сцену, она — в зрительный зал. Однако Федор Иванович, похоже, уже тогда все для себя решил...

Тайна

— С этого и началась наша эпопея, — рассказывает Людмила Владимировна. — Тогда, в 1966-м, я и думать не думала, что все сложится вот так, что когда-нибудь и я смогу сказать, что настоящая любовь — не выдумки, что любовь может быть вечной. Я же родилась в Витебске и Шмакова, можно сказать, знала всю жизнь — всей школой ходили на его спектакли. У меня и в мыслях не было... И тут вдруг подруга-соседка начинает передавать мне от него приветы. А я только ушла от первого мужа, мне вообще не до отношений. Еще, помню, серьезно поссорилась с подружкой, когда она привела Шмакова на день рождения к моему сыну — наша вторая встреча с ним тоже вышла не очень-то романтической.

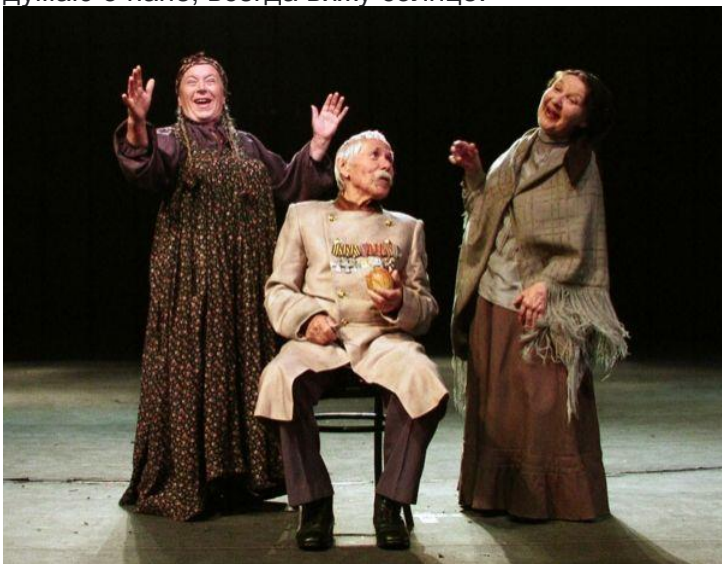
Встречаться открыто мы не могли. Но тайными наши встречи оставались недолго. Когда о них узнал главврач больницы, где я работала, сразу вызвал меня и предложил куда-нибудь уехать. Например, в Лунинец. И я уехала. Только не в Лунинец, а в Мурманск, чтобы уж точно никто меня не нашел. Федор Иванович в это время был на гастролях. Приехал — меня уже нет... Как он меня разыскивал, долгая история. Но когда я вернулась, точка в его прежних отношениях была поставлена. Двойная жизнь была не для него.

Через три года после нашей первой встречи у нас родилась дочь, а еще через семь он таки получил звание народного артиста СССР.

Лигнин

— Я даже не могу сказать, какое воспоминание о папе у меня самое раннее, поскольку все мое детство от него вообще неотделимо, — продолжает дочь Федора Ивановича. — Я с ним была везде: дома, в театре, на гастролях. Помню летнюю жару, запах лигнина, которым актеры стирали грим. И когда думаю о папе, всегда вижу солнце.

О своем детстве он рассказывал так, что все страдания, которые довелось перенести его семье, выглядели чуть ли не приключением. Он же родился в Питере в 1917 году, а это голод, война, болезни, спасения от которых его родители искали по всей России. Но чаще всего папа вспоминал немое кино, которое крутили прямо на улице, растянув экран на заборе, и мальчишки смотрели фильмы, сидя на деревьях. А вечером, когда вся семья собиралась за столом, устраивал для родных уже свое «кино».

Бомбы

С дочкой Наденькой

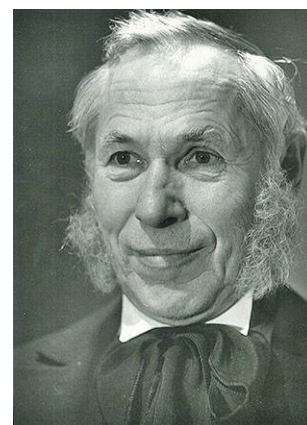
Точно такими же были его воспоминания о войне — совсем как у мальчишки, для которого это игра. Например, рассказывал, как в одной из частей, где выступала их фронтовая бригада, артистам предложили показать передовую, и те уговорили командира «стрельнуть по немцам». Дали залп — а немцы в ответ открыли такой огонь! «Мы бежим, они по нам стреляют, стреляют», — рассказывает папа и хохочет... Мне кажется, в душе он так и остался мальчишкой. Таким же, как в первый день войны, в Белостоке, где он был на гастролях с театром и попал под бомбежку. Все разбежались, спрятались в бомбоубежища, а папа уселся на чемодан посреди пустой улицы, задрал голову и как замороженный смотрел на самолеты, скидывающие бомбы... К счастью, кто-то успел затянуть его в подвал до окончания этого «спектакля».

Самые драматичные моменты своей жизни он вспоминал легко, часто превращая в анекдот. Может быть, поэтому и прожил так долго?

Венки

При этом мало кто знал, что всю жизнь он страдал от язвы, перенес тяжелейший инфаркт. Помню, тогда они с мамой сами пешком пошли в больницу, там папе сделали кардиограмму — и тут же увезли в реанимацию: обширный инфаркт. Однако следующие 15 лет сердце его не подводило. Как и память, которая была у него феноменальной. Еще раньше папе делали серьезную операцию на желудке, так это был вообще анекдот. Прошел слух, что Шмаков умер, в театр стали присылать венки... Видимо, правду говорят: кого хоронят при жизни, долго живет.

Ему было уже за 90, а он только шутил по поводу своего здоровья: мол, если ты проснулся и у тебя ничего не болит, значит, ты умер. И все так же любил поболтать с продавщицами в магазинах — у папы никогда не было ощущения, что он какой-то особенный. Несмотря на свой бурный темперамент, никому не завидовал, никого не обижал. На людей его эмоции никогда не выплескивались — мог рассердиться на пиджак, на сковородку, переключался на вещи, разговаривал с ними, но рядом с ним никто не страдал, ни семья, ни коллеги.

В роли Фирса

Березки

Вот странно — папа никогда не жил в деревне, а всю жизнь тянулся к простым людям, к деревенской жизни. Любил бывать на даче, которой обзавелся, как только появилась такая возможность, готовил там свои роли, «слушал березки»... Больше всего фотографий, афиш, подарков, которые ему присылали отовсюду, осталось там, на даче. Хотели ее отреставрировать, возможно, даже сделать мини-музей, но сейчас рядом, в районе деревни Барвин, строят гидроэлектростанцию, и папин домик определили под снос. По всем расчетам затопление ему не угрожает, но, как нам сказали, на всякий случай, «чтобы не было прецедентов». Очень надеемся, что все-таки удастся сохранить это место, которое было так дорого Федору

Шмакову.

Федор Шмаков искренне любил дачу

Витебск. А еще больше - свою на берегу Западной Двины

— Его звали в Минск, в Питер, он — если бы только захотел, —

мог бы работать в МХТ, где угодно рассказывает Людмила

Владимировна. — Но предпочел остаться в Витебске и никогда не жалел, что не уехал. Мне кажется, Федор Иванович искренне любил и Витебск, и свой театр... Через год ему исполнилось бы 100 лет. Вспоминают ли еще в театре Федора Шмакова?

cultura@sb.by

Советская Белоруссия № 28 (24910). Суббота, 13 февраля 2016

Ирина ЗАВАДСКАЯ